

Парадные останки Мариинки

Кашперовский. 2003. 26 мая. - С. 21.

Выставка театр

В Мраморном дворце открылась гигантская иллюстрированная история Мариинского театра: для выставки «Мариинский театр. 1783–2003. Тема и вариации» соединили около 700 своих экспонатов Русский музей, Театральный музей и Музей Мариинки.

На открытии выставки со стороны Мариинки говорил речь Валерий Гергиев. Со стороны властей — министр культуры Швыдкой. Со стороны культурной общественности в толпе стоял Михаил Боярский в шляпе. Главной почетной гостьей была балерина Марина Семенова, у нее тоже был юбилей — 95 лет; зевая, разглядывая легендарную Семенову, удивлялись статной осанке балерины и золотой звезде героя, блестящей на лацкане пиджака.

Мариинскому театру в этом году стукнуло 220 лет, юбилей, прямо скажем, так себе, но главное было подгадать к общему юбилею города. Тем более что и в торжествах с участием высоких официальных лиц и иностранных делегаций Мариинка занята по полной программе. Больше, наверное, чем какая-либо другая культурная инстанция Петербурга. Собственно, об этом и выставка: три музея рассказали про то, как Мариинский театр 220 лет справлялся с обязанностями главного театра империи.

Номинально она, конечно, про историю оперы и балета в стенах здания на Театральной площади. Но, как это обычно и бывает, про искусства, которые звучат и двигаются, рассказано вещами, которые молчат и не шевелятся: эскизами, декорационными макетами, фотографиями звезд в ролях, слегка пожеванными от времени атласными туфельками давно умерших балерин, лысеющим бархатом платьев, потускневшими бутафорскими камешками давно умерших оперных див. То есть история не оперы и балета, а театрально-декорационного искусства. И в общем, это довольно печально выглядило.

Роскошные женщины, артистичные талантливые мужчины, наконец, просто красивые люди на сцену поспали. бвно по-

жили, но никаких следов от каких-нибудь кабриолетов Матильды Кшесинской, при виде которых трясся зал и публика испытывала коллективный оргазм, осталась только милая фотка женщины с бойкими черными глазками и ужасно мускулистыми ногами.

Но выставка от этого только выигрывает. Грусть о том, как блестящее искусство блестящих людей испарилось быстрее ртути, предельно обостряет впечатление невероятной витальности этого самого искусства. На выставке она прямо поразительна. Ярчайшие краски в самых тропических сочетаниях, изумительная пластичность костюмов, кипящие драпировки, ткани, до которых хочется немедленно дотронуться, даже самые тела балерин на фотографиях ничуть не аскетичные, как приучил современный балет, но тоже очень женственные, налитые плотью. Это не слишком интеллектуальное искусство, но при этом какое-то безадресно щедрое и очень темпераментное. Во всем простодушный аппетит к жизни. Понимаешь, насколько к жизни этому искусству всякие заманчивые картинки старого театрального быта — с рысаками в морозной петербургской ночи, и ночными попойками с хорошенькими кордебалетными дурочками, и устрицами на ломкой от крахмала скатерти, и бриллиантовыми подарками балетоманов приме-балерине. Академические залы Мраморного дворца выглядят каким-то расpiraемым изнутри «театральным чревом».

Аппетит к жизни тоже талант, как врожденное чувство композиции. Имитировать его невозможно. Оставшейся частью были костюмы к опере «Война и мир»: специально приглашенные посетители и высокие гости беседуя прогуливались среди официантов в мундирах и безголовых манекенов в палевых платьях. И все в этих платьях с иголочки было хорошо, все по столетней выдержки театральному рецепту: шелк, блески, шитье. Но непонятно почему — смертельная академическая скука. Платья как платья. С аппетитом среди этих костюмов поглощалась разве что черная икра фушета. Но это совсем-совсем другое.

Юлия Яковлева

Почетной гостьей выставки, посвященной 220-летию Мариинского театра, стала легендарная балерина Марина Семенова. С высоты своих 95 лет она с иронией поглядывала на музейные экспонаты, когда-то бывшие ее платьями. Фото Евгения Павленко